

ПОЛУСТАНОК

ЕКАТЕРИНА МАЕВСКАЯ
Родилась в Москве
в 1987 году.
С отличием окончила
Российский государ-
ственный университет
нефти и газа имени

И.М. Губкина и Институт
журналистики и литерату-
рного творчества.
Печаталась в журналах
«Юность», «Дружба народов»,
«Нольцо А», альманахе
«Этажерна», «Литературной

газете», «Независимой
газете».
Член Союза писателей
Москвы.
Лауреат премии «Золотое
звено» (2023).

На этой станции выходили немногие. У перрона стояло два поезда: один возвращался в Москву, другой направлялся в Свердловск.

Он вышел покурить. Ему вспомнилось, как на прошлой неделе один из его студентов на семинаре в Лите предложил первую фразу для рассказа: «В лесу было накурено». Он улыбнулся и пробормотал еле слышно: «На перроне было накурено».

- С чем пирожки? – поинтересовался он у полной женщины, расположившейся на раскладной скамейке с корзиной на коленях.
- С яйцом, луком, сынок. Домашние, – ответила она радушно.
- Дайте четыре. Только заверните.
- Москвич, что ли? – поинтересовалась она, заворачивая пирожки в бумагу.
- С чего вы взяли?
- А все остальные прежде спрашивают, сколько стоит...

Он засмеялся, дал сорок копеек и направился к вагону. Время пока оставалось. Он решил выкурить еще одну. Вытянул сигарету зубами из пачки.

*Переживем и эту зиму.
Растает снег, взойдет асфальт.
Мне, городскому пилигриму,
привидится Скотт Фицджеральд... –*

послышалось из-за спины.

Он обернулся, недоумевая.

- Ира?
- Привет, Вадим...
- Привет.
- Он убрал сигарету, сломав ее пополам.
- Ты помнишь эти стихи. Удивительно!
- Рада видеть тебя...
- Как ты здесь? Куда едешь?
- Далеко, – улыбнулась она. – Читаю о тебе в газетах.
- Он смотрел на нее. Она не изменилась с их последней встречи – так же была хороша собой, ухожена, все еще очень привлекательна, только, может быть, чуть схуднула на лицо, что ей даже шло.
- Ты в Москву? – спросила она.
- Да, домой.
- Читала твою новую книгу. Купила в Лавке писателей на Кузнецком. Помню, как ты начинал ее писать, – сказала она с теплотой в голосе.
- Было хорошее время, – произнес он.
- Но сейчас еще лучше. Все же лучше, когда книги выходят...
- Как сказать... Но, не скрою, приятно, когда в таком захолустье кто-то вдруг напомнит тебе твои же строки.
- Я не знала, с чего начать, – улыбнулась она снова. – Просто я все еще люблю... – она сделала паузу, – твои стихи.

– Может, встретимся, когда вернешься в Москву? Был бы рад тебя повидать.

Он посмотрел на кулек с пирожками, что держал в руке, и добавил:

– А то сейчас могу угостить только пирожком. Не хочешь отведать?

Она отрицательно помотала головой и чуть заметно улыбнулась.

– Бери-бери! Домашние, – настаивал он. – Ну, как сказали, когда покупал. – Он показал на тетку.

– Не волнуйся, я не подумала, что ты пек их сам.

– Напиши мне свой новый номер, – попросил он.

Нерешительно она сняла перчатку, и он увидел обручальное кольцо – тонкое, еле заметное. Молча достала из сумки маленький блокнот на пружинке и ручку.

– Давай поддержку. – Вадим взял у нее перчатку.

Пока она записывала телефон, он смотрел на ее шею, ее русые локоны, что спускались ниже плеч. И родинку на щеке, которую она не любила, но которая всегда казалась ему необычайно милой. И губы – по обыкновению, сухие, без помады – точеные, как у античной статуи. Пальто ее было распахнуто – он помнил, она никогда не куталась, даже в самый холод. Он задержал взгляд на длинной цепочке – зная, что у самого сердца она прятала крестик.

– Простудишься, – тихо сказал он.

Ира посмотрела на него – он знал этот взгляд.

«Поехали со мной», – пронеслось у него в голове. Но он не произнес этого вслух. Просто подумал, что она, конечно, никуда не поедет с ним. А после, чего доброго, расскажет мужу и они посмеются над его наивностью.

Перрон был похож на тесный аквариум, который, как мальками, кишел людьми. Но он видел только ее.

– Твой поезд уходит, – вдруг воскликнула она.

Вадим обернулся. Поезд трогался. Ира отдала ему вдвое сложенную зубчатую бумажку, вырванную из блокнота.

– Я позвоню... – крикнул он и побежал к вагону.

Вадим вскочил на подножку, получил нагоняй от проводницы и последний раз встретился глазами с Ириной. Рельсы запели, поезд набирал скорость, и она все отдалялась и отдалялась от него.

Он попросил проводницу принести ему чай. Подошел к купе и увидел, что ее перчатка осталась у него. Он крепко сжал ее в руке.

В купе, кроме него, никого не было. В тот вечер он читал допоздна – сначала по привычке

«Литературку», потом какую-то периферийную газету – дабы занять чем-то голову. Разделся, погасил свет, лег. Ворочался с боку на бок.

Он не помнил толком, как познакомился с Ириной. Кажется, она пришла на его семинар с подругой, которая как раз училась у него и, верно, испытывала к молодому писателю студенческую приязнь. Он заметил новое лицо, оно сразу понравилось ему. Она стала появляться и на следующих занятиях.

– Кажется, вижу вас не впервой, – заметил он, столкнувшись с ней в гардеробе. – Но вы никогда не высказываете свое мнение.

– Я ничего не смыслю в литературе. Я физик, – робко ответила она.

– Иногда с формулами бывает проще, – усмехнулся Вадим.

– Я учусь в аспирантуре на Ленгорах. Моя подруга, Рита Званова, сказала, что вы самый лучший, – она запнулась, – преподаватель... Я читала вас, и мне захотелось увидеть вас живьем.

– Рита Званова молодец, – снова усмехнулся он.

– Рита Званова меня убьет, – тихо добавила Ира, – когда узнает, что я вам в с е разболтала. Вадим на секунду задумался.

– Послушайте, – сказал он, – завтра у моего приятеля – он актер – день рождения. И по этому скромному поводу он играет антрепризу. Если не заняты, пойдемте со мной. Прения о законах Ома не обещаю, но о литературе – не исключено.

Потом Ира рассказывала ему – она подумала тогда, что подругу теперь, несомненно, потеряет. Но и отказать ему было бы большой глупостью, которую она себе не простит.

– Если вы свободны, буду ждать вас в шесть на углу у Никитских ворот. Там, где милицейский стакан и Тимирязев – он же памятник.

– Хорошо, завтра в шесть, – улыбнулась она.

После того дня рождения они уже не расставались.

Она сидела на краю постели – обнаженная, спиной к нему. Ее силуэт в полумраке напоминал скрипку. Он поцеловал ее чуть ниже лопатки.

– Я не хочу, чтобы все закончилось, – тихо сказала она.

– Почему все должно закончиться? – спросил он.

– Просто не хочу. – Она повернулась к нему, стала гладить его волосы и лицо, будто запоминая пальцами его черты.

Он неожиданно стал читать стихи, и она почувствовала теплоту его дыхания.

*Переживем и эту зиму.
Растает снег, взойдет асфальт.
Мне, городскому пилигриму,
привидится Скотт Фицджеральд.*

*И будет день нежнее ночи,
обманет скорое тепло.
И на перроне жертвом в Сочи
не гаснет желтое табло.*

*А поезда все мчатся мимо.
Здесь, видно, остановки нет.
И еле-еле уловимо
твое явление на свет.*

День его рождения был 6 декабря. Он говорил, что не любит его отмечать. Как и в предыдущем году, они собирались провести этот вечер вместе. В лаборатории ей удалось освободиться пораньше. Она решила, что можно было бы встретить его день, как встречают Новый год, – начать вечером пятого. Не дозвонилась ему, но решила: пусть будет сюрприз. Она ехала к нему на автобусе – с банкой черной икры и с шампанским. Город был в долгой метели. Она сидела счастливая, рисовала рожицы и снежинки на запотевшем стекле. Руки чуть поостыли, а ногам было тепло от работающего мотора, что располагался прямо возле ее удачного места в передней части салона. Подходя к дому, по привычке искала глазами его окна. Верхний свет у него не горел. А когда не горел верхний свет – она уже знала – были включены лампа и торшер. Это могло означать лишь одно: он работал.

Казалось, лифт поднимается долго. Ира поправила волосы, мокрые от снега, и дважды нажала на звонок. Открывать он не спешил. Она снова позвонила дважды.

Дверь открыла незнакомая девушка. Из одежды на ней была только его рубашка, неровно застегнутая, очевидно, в спешке.

– А вы кто? – поинтересовалась она у Иры.

Ирина не нашлась, что ответить.

– Вадик, к тебе пришли, – крикнула девица куда-то вглубь квартиры.

– Ну что еще выдумала? – послышался приближающийся голос Вадима. – Кто тебя просил... Ира?

Пару мгновений они смотрели друг на друга. Ира не вытерпела первой: она сунула ему авоську с икрой и шампанским и побежала по лестнице вниз. Не оглядываясь и задыхаясь.

Они были вместе почти два года. И теперь почти два года прошло, как расстались.

Поезд монотонно выстукивал свой мотив, вагон раскачивался из стороны в сторону. Ночь казалась нескончаемой. Заснул он только под утро.

Вернувшись в Москву, он все вспоминал, как она смотрела на него, тогда, на полустанке. На семинаре он принял какую-то девушку за нее. За прошедшую неделю он обозначался так несколько раз. Он решил позвонить. Тем более что ее перчатка лежала у него в прихожей.

Вадим стал искать по карманам ту самую бумажку, что взял у нее на станции. Подумал, что мог выронить в поезде или ненароком выкинуть вместе с какой-нибудь дрянью. Перетряс все и наконец нашел – в кармане куртки. Он подошел к телефону в прихожей, снял трубку, прижал ее плечом к уху. Развернул измятый клочок и уже приготовился крутануть пальцем диск, как вдруг увидел вместо номера телефона:

«Прощай. Люблю».

